

следнего выпуска и в содержании частей. Считаем, что в конце четвертой части следовало бы поместить фамилии авторов с указанием мест работы (и, возможно, адресов) для дальнейших контактов. Надеемся, что редакторы последующих изданий обратят внимание и на эти детали.

Полагаем, что в будущих памятных чтениях следует обратиться к изучению неизвестных фактов биографии и научной деятельности Е.Д. Поливанова и ученых того времени. Поэтому считаем целесообразным введение разделов "Из истории языко-

знания", "Научное наследие Е.Д. Поливанова". Автору этих строк известны некоторые до сих пор никем не опубликованные материалы, наброски статей и фрагменты эпистолярного наследия ученого. Думаем, что, воскрешая наследие ученого, мы создаем и базу для дальнейших плодотворных исследований в "поливановедении" и приобщаем молодежь к еще не поднятому пласту отечественной науки.

О.В. Никитин

A. Kretschmer. Zur Geschichte des Schrifttrussischen. Privatkorrespondenz des 17. und frühen 18. Jahrhunderts. München: Verlag Otto Sagner. 1998. 304 S. (Specimina Philologiae slavicae. Supplementband 62).

Рецензируемая монография принадлежит перу известного русиста и слависта, приват-доцента университета Бохума (Германия) Анны Кречмер, автора трех монографий и 35 научных статей по довольно широкому кругу вопросов исторической и современной русистики и славистики: история возникновения и сравнительная типология славянских литературных (Standardsprachen) и письменных языков (прежде всего славяно-русского или, точнее мы бы сказали, русско-церковнославянского и славеносербского), сравнительной культурологии, соотношения категорий вида – времени – модуса, преподавания русского языка как иностранного, возможностям применения компьютерной техники при анализе древнейших славянских текстов.

Исследование А. Кречмер является докторской диссертацией (Habilitationarbeit), успешно защищенной в 1995 г. Оно посвящено мало изученному в русской исторической русистике вопросу о месте и роли русского частного письма XVII – начала XVIII в. в процессе формирования нормы русского литературного языка на первичной стадии становления русской нации и русского национального языка.

В заглавии работы обозначено: частное письмо (Privatkorrespondenz). Но сразу же необходимо было сделать оговорку о том, что нем. *Korrespondenz*, имеющее как и русск. *корреспонденция* два основных значения: 'корреспонденция (т.е. сообщение о чем-либо, ком-либо)' и 'переписка', порой не разграничивается в современной лексикографической практике. Уточняем (это, к сожалению, не сделано автором в его монографии), что слово *Korrespondenz* следует воспринимать в его первом значении

'письмо', а не во втором – 'переписка'. Опубликованные частные письма (а автором монографии обследовано 1057 писем 1603–1731 гг.) и те, что еще, по-видимому, ждут своей очереди на публикацию в архивах, не дают представления о переписке в прямом смысле слова, т.е. о непрерывном на протяжении достаточно большого временного промежутка процессе письменного диалога, в котором обязательными участниками являются отправитель письма (адресант) и получатель письма (адресат) и который давал бы представление о письменной диалогической речи. Даже постоянная (в течение трех лет с 78 грамотками) переписка приказчиков с хозяином К.П. Калмыковым (см. [Гр-ки № 334–412]) является самым большим собранием "безответных" писем, и фатическая (контактоустанавливающая) функция частного письма, о которой пишет автор (см. с. 133) фактически остается нереализованной. Перед нами как объект исследования – частное письмо адресанта как проявление монологической письменной речи, анализируемое по различным своим параметрам (структурно-формулярному, языковому, экстралингвистическому) в различных разделах монографии.

Несомненной заслугой автора является то, что она взялась как лингвист за разработку почти не изученного объекта – частного письма и провела этот анализ на фоне русской письменности XVII – начала XVIII вв. Новизна объекта оттеняется тем, что предшественниками автора разрабатывались в основном беллетризованные виды писем – послания, поучения (см. [Поньрко 1992; Brogi-Bercoff 1984]) и с позиций литературоведческого анализа [Демин 1964а; 1964б; 1965; 1970].

Само частное письмо рассматривается с самых различных точек зрения: структура и лексическое наполнение частей структуры (начальный формуляр, нарративная или информационная часть, заключительный формуляр), социолингвистический аспект (социальное положение и профессия адресанта, его родственные связи, пол, к сожалению, отсутствуют сведения о возрасте адресанта), функциональный или, как его называет автор, интенциональный аспект, т.е. тематическая направленность — цель письма; аспект собственно языковой (лингвистический).

Прослеживая на материале частных писем (а автор основывается на публикациях частных писем, подготовленных по правилам лингвистического издания текстов письменности в Отделе лингвистического источниковедения и исследования памятников языка Института русского языка АН СССР под редакцией С.И. Коткова) эти разные аспекты, автор приходит к следующим выводам.

Формуляр частного письма на протяжении XVII — начала XVIII века почти не претерпел изменений, менялись в основном его лексическое наполнение и объем. Представления о лексическом варьировании формуляра были бы более четкими у читателя, если бы за основу были приняты ключевые слова. Но вместе с тем, как отмечает автор, формуляр вовсе не равнялся на письмовники того времени, долженствующие быть образцами такого рода письменности. И это можно объяснить тем, что письмовники были ориентированы на книжно-славянский тип языка. Это лишний раз подтверждает тезис автора, что частное письмо в строгом смысле этого слова не являлось памятником литературы — го языка, которому свойственна реализация определенной нормы. Наблюдения над орфографией писем только лишний раз подтверждают этот тезис. Их орфография свидетельствует о значительной свободе от связывающих норм, кодифицирующих письмо, даже в письмах достаточно высокопоставленных по социальному положению лиц, о прямых отражениях устной речи. Заметим, что термин "устная речь" (*die mündliche Sprache*) считаем более корректным, чем чаще употребляемый "народно-разговорная речь" (*Kolloquialsprache*) хотя бы потому, что он более близок к монологическому характеру письма и законно отделяется от разговорной речи, по форме своей по преимуществу диалогической, за последние годы ставшей достаточно автономным объектом изучения с весьма своеобразным

синтаксисом и даже морфологией в работах специалистов, изучающих современную разговорную речь [Красильникова 1999].

Что касается социолингвистических факторов, влияющих на содержание частного письма, то наиболее яркие особенности (лексико-идиоматические прежде всего) демонстрируют письма духовных лиц и близких родственников, письма женщин сравнительно редки (что, конечно, в этом нельзя не согласиться с автором, отражает неравноправное положение женщины в русском обществе XVII в.).

По тематической (или целевой) направленности частных писем автором выделяются письма-просьбы (*Bitte*), наставления-указания (*Anweisung*), сообщения (*Berichte*), просьбы о протекции (*Protektion*) и др. Отмечено почти полное отсутствие писем-сообщений о событиях политической, культурной и литературной жизни, что отличает эти письма от западноевропейской эпистолографической традиции. К слову заметим, что сравнительный анализ русской и западноевропейской эпистолографической традиции, только обозначенный автором как задача на перспективу, мог бы многое дать для познания культурно-исторической ситуации в России XVII в. и пролить дополнительный свет на характер и направления русско-иноязычных контактов в XVII в.

Сам автор не считает свою работу собственно лингвистической, а планирует на будущее провести собственно лингвистические наблюдения и представить их в виде отдельной монографии, но те наблюдения, которые уже проведены и представлены в монографии, дают достаточное представление о языке частных писем как языке в основе своей опирающемся на народно-литературный тип (по терминологии В.В. Виноградова), в котором церковнославянские черты представлены как тематически, ситуативно и стилистически мотивированные вкрапления, содержат много ценных и новых сведений и являются серьезной заявкой на полное описание языка частных писем. При этом преимущественное внимание обращается на синтаксис и лексику, которые автор считает основными уровнями структурирования языковой системы. Меньшее внимание уделяется вопросам орфографии (в связи с фонетикой) и морфологии, поскольку эти уровни более изучены.

Анализируя церковнославянские элементы в языке частных писем, автор опирается на разработанную М.Л. Ремневой [Ремнева 1988] модель грамматических признаков применительно к древнерусскому языку XI–XIV вв., в которой фигурируют прежде

всего такие формы как: старые формы глагольного времени (аорист и имперфект вместо л-ового причастия), двойственное число, оборот "дательной самостоятельный", повелительное наклонение (с частицей *да* и презенсом), целевые предложения (с союзом *дабы* вм. *чтобы*), причинные предложения (с союзом *понеже, ибо* вм. *потому что*), краткие и полные (местоименные) формы прилагательных; причастия. Конечно, модель М.Л. Ремневой разработана на материале памятников древнерусской письменности XI–XIV вв., и охватывает только грамматический уровень языка (морфологию и синтаксис) и поэтому возможности ее применения к периоду позднестарорусскому (XVII век) в какой-то степени ограничены. Она нуждается в дополнении лексическими данными, устанавливающими нормы словоупотребления, и уточнении роли иноязычных средств (в частности, о внеприкличивном употреблении форм кратких прилагательных в связи с контактами русского с польским языком и другими восточнославянскими – украинским и белорусским). Эти последние довольно явственно дают о себе знать в ряде частных писем (см. с. 232), чему автор монографии уделит, по всей видимости, более пристальное внимание в специальном исследовании языка частных писем.

Анализ частных писем XVII – начала XVIII века (текстологический и лингвотекстологический) проводится автором на широком фоне памятников письменности XVI–XVIII вв. самых различных жанров, которые составляют так называемый сравнительный корпус (Vergleichskorpus) текстов. Этот корпус весьма различен по характеру составляющих его текстов. Здесь и "Домострой" – образцовое чтение для средних слоев русского общества не только XVI в., но и XVII в., с которым, несомненно, были знакомы авторы многих писем XVII в.; и сочинение Г. Котошихина "О России в царствование царя Алексея Михайловича" – своеобразное историческое сочинение, исполненное бывшим служащим Посольского приказа; и Вести-Куранты 40-х годов XVII века, одни из ранних русских рукописных газет – переводов с западноевропейских печатных газет (в основном немецких и голландских) XVII в. и информационный писем иностранцев и иностранных корреспондентов; и челобитные представителей различных слоев населения, и сказки (записи показаний свидетелей по различным судебным делам); стейный список П.А. Толстого 1697–1698 гг. (отчет о поездке в Италию),

Дневник участника "Великого посольства 1697–1698 гг." (по содержанию напоминающий стейные списки), Мемуары князя Б.И. Куракина – сподвижника Петра I начала XVIII в.; Повесть о Василии Кариотском – один из самых популярных приключенческих и любовных романов петровского времени.

Несмотря на существенные жанровые различия текстов сравнительного корпуса, автор считает возможным сравнить каждый из них с жанром частного письма, но прежде всего те из них, которые также являются частными письмами, но имеют свои специфические особенности: письма княгини Е.П. Урусовой (письма-причитания), письма Петра I (стилевое своеобразие с иноязычными вкраплениями), письма царя Алексея Михайловича (официальные послания, близкие по форме к письмовникам в письмах к патриарху Никону).

При таком жанровом разнородности текстов сравнительного корпуса, естественно, появляется необходимость определения того, что же сближает все эти тексты. А. Кречмер с помощью этих текстов дает представление о языковом фоне письменности XVII века, на котором эволюционировало частное письмо. Общим, на наш взгляд, может быть и информация текстов, предназначенных для чтения определенным кругом пользователей. Представляется, что роль и удельный вес этих текстов в формировании нормы литературного языка напрямую зависели от того, на какой круг читателей они были рассчитаны. Повесть о Василии Кариотском в этом плане не сравнить, естественно, с тем же частным письмом и даже Мемуарами князя Б.И. Куракина. Становится понятным, почему дискуссии о норме современного литературного языка вращались вокруг вопроса о роли языка художественной литературы (беллетристики) в этом процессе. О такой ситуации применительно к XVII столетию, как справедливо полагает А. Кречмер, не могло быть и речи. Ситуация, близкая к современной, начинает вырисовываться, по мнению А. Кречмер, не ранее 30-х годов XVIII в., т.е. в послепетровское время, когда появляется литература в прямом смысле слова как письменное проявление творческих индивидуальностей, а норма литературного языка постепенно начинает приобретать эксплицитно кодифицирующий характер. С учетом вышесказанного становится понятным, почему А. Кречмер предпочитает для языковой ситуации в России в XVII столетии оперировать термином не

"литературный язык", а "письменный язык" (Schriftsprache), а частное письмо в этом письменном языке (точнее языке памятников письменности) занимает свое, далеко не главное (определяющее) место. И эта роль языка частного письма в исторической стандартологии (historische Standardologie) определяется, на наш взгляд, тем, что частное письмо как индивидуальный языковой акт ориентировано на индивидуального читателя и не более того. Отсюда и та, почти ничем не ограниченная свобода орфографического варьирования в письмах, даже принадлежащих титулованным особам (или написанных и отправленных от их имени), которая может удивить неискушенного в старых текстах современного читателя, но которая предоставляет почти уникальную возможность для исследования явлений устной народной речи того времени.

Но вернемся, однако, к жанровому разнообразию текстов, избранных А. Кречмер для сравнения с частными письмами. А. Кречмер выдвигает два основных критерия сравнения и тем самым сближения: структура текста (формулярность) и назначение (интенциональность, по выражению автора) текста. "Все познается в сравнении" — это выражение как никакое другое, более всего подходит в данном случае.

На первый план по позиции близости к частному письму выступают, по мнению А. Кречмер, памятники деловой письменности, а именно: челобитные и сказки. Была бы понятнее для читателя монография (сделаем попутное замечание) аранжировка сравнительных текстов по степени близости к частным письмам.

Челобитные и сказки так же, как и частные письма, имеют свои формуляры, если понимать под формуляром стандартизированное структурирование текста. А выражение "бью (бьем) челом" в челобитных заставляет более внимательно присмотреться к семантике того же оборота речи в частных письмах, в которых оно по крайней мере двусмыслно: "бью челом", т.е. 'обращаюсь с просьбой' (точно так же как и в челобитных) и 'приветствую' (по-видимому, вторичного происхождения, поскольку сам обычай бить челом исходит к нам с Востока). "Челом бью" — достаточно многозначное клише: в нем выражается и благодарность за проявленное внимание, и приветствие, и просьба, и прощание. При этом две последние "семантики" из протокола дипломатического приема. Одно и то же "челом бью" наполняется различной референциальной семантикой: в челобитной —

просьба, в частном письме — благодарность, приветствие или, напротив, прощание. Во многом разобраться здесь помогла бы современная теория референции (см. [ЛЭС: 411]). Ср. подобные же обращения со стертой семантикой в современном языке, в которых сохраняется лишь дейктическая (референцирующая) функция: *братец* и под. и в частных письмах XVII в. (брат именуется *батькой* — см. с. 188). Вообще обращения — назывные номинации — достойны стать предметом специального исследования. В предварительном порядке можно сказать, что система обращений в частных письмах, по всей видимости, имела свою определенную специфику, она выражалась в частности и в том, что имела место категория самоименования в уничижительной форме с суф. *-ишко* и *-ка*, которая в известной степени стирала достаточно четко социально иерархизованную систему одно-, дву- и трехчленной номинации (см. [Чичагов 1959]).

В связи с этим не можем не обратить внимания на то, что монография А. Кречмер намечает те пункты "роста науки", приращения научного знания", которые, по мнению автора, нуждаются в дальнейшей разработке. Это те научные "тропки", по которым должны пойти будущие исследователи в поисках научной истины. Одна из таких "тропок" — изучение межэтнических контактов, их отражение в языковой практике контактирующих народов и их культур. Если в тексте встречается выражение "бить челом", то это еще автоматически вовсе не означает, что перед нами челобитная. Приоритетную роль в определении жанра следует отдать интенциональности (целевой предназначенности) текста. И не это ли имеет в виду автор монографии, когда пишет о "сверхлингвистическом единстве" (überlinguistische Einheit), термин так и остается, к сожалению, не раскрытым и отсутствующим в предметном указателе (Sachregister), хотя последний по преимуществу лингвистический.

Еще одной "тропкой", по которой предстоит пройти будущим исследователям (что не исключено, и самому автору монографии), является сравнительное лингвокультурологическое исследование эпистолярной традиции древнерусской и старорусской, с одной стороны, и западноевропейской в целом (польской, очевидно, в первую очередь), с другой (см. с. 249). Автору монографии уже удалось выявить известные отличия русской и западноевропейской эпистолярной традиции. Это касается прежде всего тематики частного письма. По

наблюдениям А. Кречмер, в русских частных письмах XVII века почти не представлена политическая и культурная тематика, в западноевропейской же эпистолярной традиции такого не наблюдается. Но попытаемся выяснить причины этого, углубившись по мере возможности в общественно языковую ситуацию в России XVII века. Если вопрос о том, откуда, из каких источников авторы частных писем могли черпать информацию о внутривнутриполитических событиях в стране, представляется нам пока не находящим ответа, то можно вполне определенно дать ответ на вопрос о том, почему о событиях внешнеполитических авторы частных писем не имели почти никакого представления. Сразу же приходят на ум вестей-куранты – рукописные газеты XVII века. Это переводы с немецких, голландских, реже польских и латинских печатных и рукописных газет, которые выполнялись в Посольском приказе. После редактирования и обработки некоторые наиболее важные по содержанию с точки зрения думных дьяков Посольского приказа зачитывались очень узкому кругу: царю и приближенным боярам. Сама информация, содержащаяся в этих переводах, считалась официально закрытой, а за ее разглашение виновные могли понести наказание. Как показывают материалы вестей-курантов 60-х годов XVII столетия, многие экземпляры западных газет поступали и хранились в Приказе тайных дел, созданном самим царем и находившемся непосредственно под его патронажем, а отсюда могли быть переданы по запросу в Посольский приказ.

Коль скоро речь зашла о вестях-курантах, которые привлекаются А. Кречмер для сравнения с частными письмами XVII века, остановимся на этом подробнее. Необходимость привлечения вестей-курантов для сравнения с частными письмами не подлежит никакому сомнению. И дело не только в том, что в сам корпус текстов публикаций вестей-курантов включались как органическая составная часть письма иностранных корреспондентов (регулярных осведомителей о событиях за рубежом), но и в том, что сами переводы западноевропейских газет буквально сотканы из писем корреспондентов. Нити этой живой ткани видны буквально в каждом газетном сообщении, стандартно оформляемом следующим образом: "Из города такого-то месяца такого-то дня пишут". Наблюдаем случаи, когда неопределенно-личное *пишут* сбивается на информацию от первого лица: *пишу*. Ех

ungue leonem как личную корреспонденцию обнаруживаем в конце перевода газетного сообщения из г. Измира от 3.10.1665 г.: "а что вперед о том дѣле объявитца не замешкаю вперед вѣдомо учинит" (РГАДА, ф. 155. 1666 г., № 11. л. 89). Следует также иметь в виду, что сама западноевропейская пресса (как оригинал для русских переводов вестей-курантов) исторически формировалась на основе писем (корреспонденций) ее сотрудников (см. [Покровский 1906]) – показана историко-генетическая связь газеты как компиляции переводов с зарубежных газет и вестовых писем корреспондентов, которые (письма) являлись основным источником сведений о зарубежных событиях в печатных газетах. Отличие от частного письма, которое изучает А. Кречмер, в том, что письмо в вестях-курантах строго и нформативное (хотя не исключено и присутствие посторонних бытовых моментов: обсуждение вопросов оплаты труда корреспондента заказчиком, условий его работы и под.), как правило, с засекреченным адресантом (скрывается его местоположение) и не носит фатический характер, т.е. не рассчитано на получение обратной информации со стороны адресата. Впрочем, сказанное вовсе не означает, что в изучении вестей-курантов как эпистолярного источника поставлены точки над "i" и не оставлено поле для дальнейших исследований. Как показали новейшие лингвистико-исторические исследования текстов определенного жанра деловой письменности [Малышева 1997], лингвистикоисторическое исследование вестей-курантов подобное тому, что проделано И.А. Малышевой по таможенным книгам еще впереди: ждут своего ответа вопросы о том, кто принимал участие в редактировании вестей-курантов (сам переводчик или иное лицо), в каком направлении шло это редактирование, как и по каким признакам производился отбор сообщений для переводов, само сообщение переводилось целиком или фрагментарно и т.д. Очевидно, что для проведения такой работы, для поиска ответа на поставленные вопросы нам необходимо обладать достаточно солидной базой оригиналов западноевропейских газет.

Заметим, что сказанное имеет самое непосредственное отношение к монографии А. Кречмер. В ней не найдя достаточного освещения проблема непосредственного создателя (автора) текста письма, а ее решение имеет принципиально важное значение для лингвистикоисторического исследова-

ния частного письма. В самом деле, язык кого, какой личности отражает частное письмо – язык того лица, которое писало непосредственно письмо, или язык писца, который по распоряжению или под диктовку заказчика являлся исполнителем текста. В таком случае и орфография письма отражает особенности языка различных личностей-носителей языка. Формулярное выражение писем "пожалуй прикажи писать о своем многолетнем здоровье" следует, по всей видимости, понимать в прямом смысле слова и соответствующим образом оценивать языковые данные текста. Монография явно нуждается в дополнительном указателе писем-автографов и писем писцового исполнения. Представляется крайне важным, чтобы подобный указатель имел и социальную ориентацию (сколько писем того и другого типа принадлежит помещикам, служащим, дворянам, купцам, духовным лицам, посадским, крестьянам). Это существенно, на наш взгляд, продвинуло бы нас в области диахронической социолингвистики, находящейся в зачаточном состоянии. Конечно, выполнение этой задачи требует дополнительных больших усилий по палеографическому анализу почерков, их идентификации и персонализации. Издания частных писем, выполненные в Отделе лингвистического исторического изучения и исследования памятников языка Института русского языка АН СССР и высоко оцениваемые А. Кречмер, не дают полной возможности для такого палеографического анализа, поскольку не содержат параллельного фототипического воспроизведения текстов. Только работа в архивах непосредственно с оригиналами позволит в какой-то степени приблизиться к решению этой задачи. Это прекрасно понимает и сам автор – А. Кречмер. Кое-что в этом плане могут подказать и сами издания вышеуказанного Отдела, на которые опирается в своей работе А. Кречмер. Так, в издании [КТ 65] указывается смена почерков даже в письмах одного лица.

В монографии приводятся результаты сравнительного анализа частного письма XVII – начала XVIII века с периодом последующим – послепетровским (до конца XVIII в. – перспектива и с периодом до XVII вв. – ретроспектива). Однако это хронологические начало и продолжение не дают нам, к сожалению, полного представления о всей эпистолографической традиции от начала письменности до наших дней. Однако отметим, что сравнительно-временной аспект исследования не ставится автором монографии как самостоятельная задача.

Есть, как нам представляется, основания

упрекнуть автора монографии в том, что им не привлечены новгородские берестяные грамоты, коллекция которых непрерывно год из года пополняется (см. [Янин, Зализняк 1999] – последнее сообщение о находках 1998 г., общее число грамот превысило цифру 800). Привлечение материала новгородских берестяных грамот тем более необходимо, т.к. по свидетельству самой же А. Кречмер, публикации частных писем ранее XVII в. отсутствуют (с. 88). Можем только предполагать, что автора смутило название *грамоты*, которое нам представляется некорректным. В русской эпистолографической традиции за частными письмами, которыми по существу берестяные "грамоты" и являются, закрепилось название "грамотки", более точно отражающее их отличие от грамот как официальных документов более высокого ранга (см. [Грамотки XVII – начала XVIII века. М., 1969]).

Текстолого-лингвистический анализ частного письма предваряется довольно подробным рассмотрением предшествующей лингвистической традиции, дискуссии о роли делового языка в процессе формирования норм русского литературного языка, критическим анализом теории диглоссии Фергусона – Успенского и теории прерывности (Diskontinuitat) в развитии русского литературного языка А.В. Исаченко [Ferguson 1959; Успенский 1983; Issachenko 1980; 1983], дискуссионного вопроса о соотношении церковнославянского и русского языка. Автор считает (и справедливо), что теория диглоссии Фергусона, разработанная на материале современного языка, неприменима к языковой ситуации в России XVII века, и что если ее применить к русской языковой ситуации XVII века в полном объеме (с привлечением эмпирического материала памятников письменности XVII в.), то она неизбежно претерпит существенные изменения.

Автор критически оценивает и теорию прерывности в развитии русского литературного языка А.В. Исаченко, согласно которой на исходе XVII в. неизбежно произошел разрыв русской письменной языковой традиции, которая возобновилась по западноевропейской модели в XVIII в. Причину этого разрыва А.В. Исаченко видит в том, что к завершению XVII столетия русский письменный язык еще не успел сформироваться. На наш взгляд, было бы точнее говорить о каких-то наслоениях элементов западноевропейских языков на уже функционирующий русский литературный язык в XVIII в., наслоениях, которые не могли существенно нарушить нормы об-

шенародного русского литературного языка по той причине, что последний своими глубокими историческими корнями уходил в устный народный литературный язык, образуя тот тип литературного языка, который В.В. Виноградов называл народно-литературным.

Что касается соотношения церковнославянских и собственно русских (генетически общевосточнославянских) элементов в составе русского литературного языка, то автор склоняется в итоге своих наблюдений над языком частных писем XVII в. к выводу о том, что церковнославянский и русский образовывали самостоятельные системы (можно читать как "языки" – см. с. 206). Мы придерживаемся несколько отличной от автора монографии точки зрения. Суть ее выражается в следующем. Наши наблюдения над соотношением церковнославянских и русских элементов в языке вестей-курантов 60-х годов XVII в. показывают, что те и другие находились в состоянии постоянного взаимодействия, взаимопроникновения, на отдельных участках языковой системы они не противопоставлялись друг другу, но находились в позициях свободного замещения. Один и тот же писец в зависимости от темы описания прибегал свободно к использованию средств церковнославянских и собственно русских в рамках единого русского литературного языка. Поэтому противопоставлять церковнославянский и русский язык как самостоятельные замкнутые системы в русском литературном языке XVII столетия нет, на наш взгляд, достаточных оснований. Конечно, мы оперируем методом бинарной оппозиции "церковнославянское – русское", но это всего-навсего инструмент описания. Он позволяет выявить оппозиции свободного замещения, т.е. то, что принято называть в фонологической теории позицией нейтрализации противопоставления. Кроме того, эту оппозицию в какой-то степени пытаются расшатать иноязычные элементы (в частности, полонизмы всякого рода). Учет роли иноязычных элементов в этой оппозиции актуален, на наш взгляд, не только для вестей-курантов, но и для частных писем. На этот аспект (проявление иноязычного влияния как на формуляр, так и на язык частных писем) А. Кречмер обращает внимание лишь мимоходом, хотя ему можно было бы уделить специальное внимание. Мы имеем в виду прежде всего польское влияние (см. с. 176, 182, 230).

Анализируя работы сотрудников Отдела лингвистического источниковедения и исследования памятников языка по лингво-

источниковедческому изучению памятников деловой письменности XVII века (с. 34–48), А. Кречмер бросает упрек в том, что среди них мало или почти нет работ по теоретическим проблемам лингвистического источниковедения. Упрек этот справедлив. Правда, в число тех, в адрес которых обращен этот упрек, включены и не сотрудники Отдела, и сам принцип отбора работ (с. 36–48) остается в целом неясным и в какой-то степени случайным. Причина такого недостаточного внимания к теоретическим проблемам лингвистического источниковедения кроется, на наш взгляд, в отсутствии навыков анализа общих вопросов лингвистики, вопросов теории языка. Хотя накопление солидной фактической эмпирической базы для последующих исследований несомненно важнее для дальнейшего прогресса научного знания, чем отвлеченное и пустое теоретизирование без достаточной фактической базы, что признает, впрочем, и сама А. Кречмер. Однако позволим себе в рецензии несколько строк такого науковедческого "теоретизирования". Представляется перспективным проведение аналогий в концептах лингвистического источниковедения и исторического источниковедения. Достаточно, например, сравнить такие понятия как "лингвистическая содержательность" и "лингвистическая информативность" (ключевые концепты лингвистического источниковедения) и "достоверность – недостоверность" сведений (в историческом источниковедении), чтобы убедиться в том, что лингвистическое источниковедение сознательно или несознательно, намеренно или спонтанно опиралось на ранее уже разработанные концепты исторического источниковедения.

Хотелось бы остановиться на одной проблеме, для исследования которой имеющиеся в нашем распоряжении материалы частных писем не содержат достаточных данных. Эту проблему мы обозначили бы как проблему языковой мимикрии. Поскольку частные письма в своей неразвернувшейся потенции являются, хотя и вынужденно односторонним, но все же проявлением диалогической письменной речи, правомерно, на наш взгляд, поставить вопрос о возможном влиянии языка и социального положения адресата на язык адресанта, о связующей их нити и связующем фрагменте текста. Однако надо отдать себе полный отчет в том, что подобный ракурс исследования "языковой мимикрии" стал бы возможен в том случае, если бы Privatkorrespondenz была бы представлена как переписка. А. Кречмер может

лишь робко заявить о слабо выраженной фатической функции в частном письме (см. с. 281 – phatisch в предметном указателе).

Выше мы изложили свои соображения, порою дискуссионные вопросы изучения языка и текста русского частного письма. Теперь же остановимся на замечаниях, носящих более общий или более частный характер.

С. 78. При перечислении внеязыковых (точнее было бы их характеризовать как социолингвистические) параметров частной переписки необоснованно опущен, на наш взгляд, такой важный параметр, как постоянный или основной род занятий, профессия (Beruf) адресанта. Совершенно очевидно, и монография А. Кречмер это подтверждает, что письмо священнослужителя будет отличаться от письма купца.

С. 127. В то же время в разряд социальных признаков непонятно на каком основании включается признак национально-территориальной принадлежности лица (иностранец). Автор признает, что четких границ социальной дифференциации в XVII в. не было. И не случайно в Таблице 2 (на с. 128) графа об иностранцах исключается. При паспортизации современного гражданина различаются графы "национальность" и "социальное положение".

С. 84. Термин "общеславянское наследие" (gemeinslavisches Wortgut) явно вызовет возражения этимологов как "досадный архаизм", так как в данном случае они употребляют более точный исторически термин "праславянское наследие" (urslavisches Wortgut). При этом учитывается, что праславянское слово могло не сохраниться во всех славянских языках (см. [Варбот 1993: 6]).

С. 86. Выявление комбинаций внеязыковых и языковых параметров частного письма не вносит, по нашему мнению, ничего теоретически нового в анализ, создавая впечатление умозрительной математической комбинации. Ограничение только языковыми признаками было бы гораздо продуктивнее.

С. 100. В построении статистических таблиц, являющихся следствием тщательного и многоаспектного обобщения результатов наблюдений автора, остается все же неясным назначение левого крайнего столбца, обозначающего проценты с разрывом в 10 единиц.

Композиция работы не всегда удобна для читателя. Например, для того чтобы раскрыть лингвистическое наполнение сокращений F 1, F 2 и т.д. (на с. 101), читатель должен вернуться к с. 74–77, где узнает, что полная формула письма включает 10 эле-

ментов, 7 из них в начальной части, а 3 – в заключительной, где он и получит нужную ему информацию о вариациях структуры обеих частей формуляра и лексическом наполнении этих вариаций, но должен удерживать их постоянно в памяти, читая с. 101–112.

С. 103. Не иллюстрируемые конкретным лексическим наполнением, статистические таблицы выглядят отвлеченной абстракцией и с трудом воспринимаются. Такая абстракция была бы вполне уместной при создании обобщающей картины структур формуляра.

С. 114. Следует сказать особо о передаче текста подлинников по лингвистическим изданиям частных писем. А. Кречмер дает высокую оценку правилам передачи текстов скорописных оригиналов частных писем и всей эдической работе Отдела лингвистического источниковедения и исследования памятников языка Института русского языка АН СССР. В Приложении (с. 285–304) полные тексты писем переданы по лингвистическим правилам. При цитации фрагментов текста, к сожалению, допускаются необоснованные отклонения от правил, которым следуют публикаторы, и это вводит в заблуждение читателя, затрудняя восприятие им самого текста. Здесь необходимо обратить внимание на следующие моменты. Первый – невыделение букв выносных согласных, а оно могло бы быть сделано легко с помощью компьютера разными средствами: курсивом, круглыми скобками и др. Эта деталь весьма существенна, так как после выносной согласной перед буквой гласного наблюдается йотация. Например, *здаровя* следует читать как *здоровья*, с. 77 и др. Кроме того, надстрочное написание буквы согласного является способом сокращенного написания словоформы. Ср. "Маѡимиліянь" [В–К I; 214], это все же Маѡимиліянь при нем. *Maximilian* с восходящей к древнерусской традиции повторного чтения буквы предшествующего гласного, ср. *тог = того*. В Указателе к [В–К I: 305] проскользнул ненужный буквализм: *Максимлиян*. Невыделение выноса согласного, после которого писалась буква редуцированного гласного, также не способствует чтению текста: "приятел" = приятель, "покии" = покинъ, с. 77 и др. многочисленные случаи. Выбор некоторых символов для воспроизведения древнерусских букв оставляет желать лучшего. Так, вертикальная лигатура ѣ передается как диграф *ou* (см. 116 и в других многочисленных случаях), что создает ложное впечатление об отражении церковнославянской гра-

фики в частном письме. Помета "так в ркп.", применяемая издателями для комментирования описок и иных искаженных мест в частных письмах, по непонятным причинам оказалась опущенной при цитации текстов частных писем, что опять-таки ставит читателя перед недоуменным вопросом: явное искажение текста является опечаткой или восходит непосредственно к самому оригиналу письма. Читатель вынужден обращаться за разъяснениями сомнений к тексту самих изданий: ср. "Вараломей" (так в ркп.? с. 186), "Б 2 дня" (так в ркп.?, с. 182), "июня Д ВД" (так в ркп.?, с. 177), "ненеищетные" (так в ркп.?, с. 176).

Полагаем, что тематика исследования (графика, орфография, фонетика в основном отсутствуют, в центре внимания – синтаксис, лексика, в меньшей степени – морфология) не избавляет от необходимости цитации текста скорописного источника в виде, максимально приближенном к его оригиналу.

Местами при цитировании текста по лингвистическим изданиям допускаются не оговоренные досадные опечатки: "СІ де" вм. "ЗІ де" (с. 217). Отметим здесь же попутно, что компьютерный набор книги выполнен самим же автором достаточно тщательно, опечатки весьма немногочисленны. Но все же □ вм. Ž (см. 233 и во многих других случаях) не способствует облегчению чтения, см. также на с. 132: II вм. III, I вм. IV в таблице 3.

С. 114. Следовало бы отметить и то, что анализ тождественного лексического остова зачина и концовки письма: "прикажи о своемъ м н о г о л ѣ т н о м ъ здорове писать" в их лексическом варьировании указывает на нацеленность уже самого зачина в его лексическом составе на концовку: ведь в прилаг. *многoлѣтное* (здоровье) уже в самой его семантике заложена "пожелательность", ср. в концовке "будь здоров на многіе лѣта", причудливым образом сочетающаяся с начальной формой императива. Здесь сразу два модуса: императив и деизидератив, что связывает воедино концовку и зачин.

С. 119. Вызывает сомнение утверждение автора о том, что многие из писем состоят только из формуляра (*nur aus der Formel*). При этом не принимается во внимание то, что сам факт написания письма и сообщения о своем здоровье и пребывании в определенном месте и о роде занятий в определенное время (это можно считать "внутренней датой" – *innere Datierung*, *Chronologie* – письма, поскольку в конце оно не дати-

ровалось) – это уже информация как ответ на поставленный ранее вопрос: "изволишь про меня спросит", как имплицитное проявление нарративной части.

С. 126. Без иллюстрирующих примеров политематичность или полиинтенциональность писем выглядит как весьма расплывчатая классификация с пересекающимися во многом границами. Следовало бы более четко определить, что побудило адресанта взяться за письмо и на этой основе выявить его намерение. Автор и сам сознает многомерность своего построения, вынужденно вводя понятие *Subthema*, *Unterthema*.

С. 136. Не лишним было бы подчеркнуть, что союзы *и*, *а*, *да*, соединяющие сложносочиненные предложения, равнозначны. Эта равнозначность, по нашим наблюдениям, подтверждается правкой в черновых текстах вестей-курантов 60-х гг. XVII в.

С. 139. *Либо* в приводимой цитате является частью вопросительно-относительного местоимения *что-либо*, а не союзом 'если': "Либо в чем (...) прогневих". Перед нами, очевидно, редкий случай инверсии в местоимении и бессоюзного присоединения условного предложения. Фрагмент фразы "еже бгъ благоволит" можно понять и как "то, что бог изволит", т.е. *еже* читать как относительное местоимение.

С. 148. Инверсия в дате настолько обычна для деловой письменности ("год → → месяц → день"), что ее оговаривать представляется излишним. Новая (или новейшая) система датировки (число → месяц) появляется только в 20-х годах XVIII в.

С. 150. Термин "советская школа" (русистики) (*sovjetische Schule*) некорректен как и любой другой политизированный термин. Русисты давно отказались от него. Не правильнее ли будет оценивать явление из области истории русского языка по имманентным законам развития самого языка, обходясь в данном случае без ничего не проясняющих по существу вопроса политических ярлыков. Когда зарубежные (в основном) русисты употребляют термин "советская школа", имеется в виду концепция эволюции письменного русского языка от христианизации до настоящего времени как непрерывный и последовательный процесс, а опорной точкой такой непрерывности считается полифункциональность, но не *все*функциональность делового языка (*nicht omnifunktionale Amtssprache*). Сама того не желая, А. Кречмер создает у читателя негативное отношение к работам лингвистов-русистов советского периода.

С. 152. В примерах: "денги посланы все

сполна Сидоркау вилинымъ", "да послала им же Степанам ведро вина двайова". Не исключено чтение "с Сидоркау", "с Степанам," и в таком случае беспредложный творительный можно рассматривать как один из возможных вариантов.

С. 165. Следовало бы оговорить, что рифмовка как фольклорное изобразительное фонетическое средство избиралось несознательно, в противном случае автор письма в поговорке – "Кто лапти плетет тот слаще нас пьет и есть" инверсировал бы конечные глаголы.

С. 169–170. Можно сомневаться в том, что употребление церковнославянизмов и русизмов в текстах частных писем вносит стилиевой разлад (*erhebliche Diskrepanz*) в текст. Нам представляется, что автор письма в своем языковом арсенале постоянно имел наготове и средства общевосточнославянско-русские и средства церковнославянские. Ведь и сама А. Кречмер употребляет, на наш взгляд, весьма удачный и не ею изобретенный термин "r/ksl – русско-церковнославянский", отказываясь от национально безликого термина "церковнославянский". Нам более всего импонирует положение А. Кречмер о том, что употребление церковнославянских и русских элементов представляет гармоничное смешение (*harmonische Mischung*), амальгаму даже при условии, когда доминирование той или иной системы (о нашем несогласии с термином "система" см. выше) трудно определимо, а правила перехода от одной к другой остаются неясными и являются предметом дальнейших исследований (с. 206). И не является ли тезис о *Diskrepanz*'е входящим в противоречие с тезисом о *harmonische Mischung*.

С. 176. Хотя более подробное языковое описание частных писем у автора в планах на будущее, позволим себе дать несколько советов о необходимости изучения контактов с польским, проявляющихся на разных уровнях системы языка в лексике, морфологии и орфографии: *зычъливы*, *застаю* вм. обычного *остаюсь* в концовке письма, ср. польск. *zostać* 'остаться' в письмах П. Яблочкова, где много других полонизмов (с. 182); *верны* вм. *верный* (с. 182); Франция (с. 230).

С. 212. При текстологическом анализе лексического наполнения формуляра было бы желательно провести его по более отточенной методике. Так, например, в зачине при обращении выделить "ключевые слова" (применяем термин современной документной переписки) с указанием статистики употребления каждого из вариантов "клю-

чевых слов", как это хорошо проделано на материале анализа вариантов зачинов и концовок.

С. 213. Было бы нелишним отметить, что подробное описание украденных лошадей в письме – сведения, необходимые для их розыска.

С. 232. Полагаем, что ряд конструкций, где причастие прошедшего времени на -в равнозначно сказуемому на -л, может восходить к украинским формам с -в = [л] и иметь фонетический источник. Их следует отличать от причастных конструкций с -в со значением предшествующего действия.

С. 234. Сомнительно отнесение местоимения *оныи* к неологизмам, оно достаточно архаично. Если автор имеет в виду оформление И.Е. по типу местоименных прилагательных (*оныи*), то это следовало бы оговорить как морфологический неологизм.

С. 247. Применение термина "интерференция" к описанию процессов взаимодействия стиливых средств у одного языка в его устной и письменной разновидности не представляется удачным: сам термин заимствован из теории билингвизма и применяется при описании взаимодействия р а з н ы х, разносистемных языков.

С. 252. Говоря о влиянии устной восточнославянской традиции правового языка на язык деловой письменности более позднего периода (позднестарорусского – XVII век) следует все же иметь в виду, что на тексты поздние оказала сильное влияние многостолетняя церковнославянская традиция. Об этом свидетельствуют, к примеру, тексты межгосударственных договоров, включенные в состав [В–К IV: 13–64].

С. 258–259. А. Кречмер неоднократно пишет об автономии разных языковых систем в рамках русского языка. Но мы вправе задать вопросом: за этими автономиями не рискуем ли мы утратить представление об общенародном языке как средстве общения различных слоев населения России того времени, и н т е г р и р у ю щ е м общество в России и формирующую русскую нацию. За дифференциями не потеряем ли синтезирующее начало?

Нельзя не согласиться с автором в том, что важнейшими источниками информации об отношении к языку, об оценке языковой ситуации и ее развитии являются оставшиеся нам в наследство от прошлых эпох тексты. Но не менее важен поиск текстов, где содержится синхронная исследуемому периоду оценка языковых пристрастий отдельных авторов как проявление культурно-языковых конфликтов эпохи.

Как видим, высказанные замечания по монографии А. Кречмер являются скорее пожеланиями, чем проявлением "разрушительной" критики.

Перед нами серьезное, капитальное исследование частных писем XVII – начала XVIII в., построенное на филологически точном материале, охватывающее как текстологическую сторону проблемы, так и собственно лингвистическую, дающее полное представление о частных письмах как одной из форм делового языка, об их роли в формировании нормы русского литературного языка на широком сравнительном фоне русской письменности XVII столетия в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

- Варбот Ж.Ж.* 1993 – Предисловие // Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I. М., 1993.
- В–К I – Вести-Куранты. 1600–1639 гг. М., 1972.
- В–К IV – Вести-Куранты. 1648–1650 гг. М., 1983.
- Гр-ки – Грамотки XVII – начала XVIII века. М., 1969.
- Демин А.С.* 1964а – О литературном значении древнерусских письмовников // Русская литература. 1964. № 4.
- Демин А.С.* 1964б – Вопросы изучения русских письмовников XV–XVII вв. (Из истории взаимодействия литературы и документальной письменности) // ТОДРЛ. Т. XX.
- Демин А.С.* 1965 – Отрывки из неизвестных посланий и писем XVI–XVII вв. // ТОДРЛ. Т. XXI.
- Демин А.С.* 1970 – Челобитные Аввакума и одна из неисследованных традиций деловой письменности XVII в. // ТОДРЛ. Т. XXV.
- Красильникова Е.В.* 1999 – Имя существительное в русской разговорной речи.

Функциональный аспект: Научный доклад на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1999.

КТ 65 – Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. (Из фонда А.И. Безобразова). М., 1965.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Малышева И.А. 1997 – Материалы таможенного делопроизводства XVIII века как объект лингвистического источниковедения: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1997.

Покровский А. 1906 – К истории газеты в России // Ведомости времени Петра Великого. Вып. II. М., 1906.

Поньирко Н.В. 1992 – Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. Исследования. Тексты. Переводы. СПб., 1992.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов, Москва.

Ремнева М.Л. 1988 – Литературный язык Древней Руси. Некоторые особенности грамматической нормы. М., 1988.

Успенский Б.А. 1983 – Диглоссия и двуязычие в истории русского литературного языка // International journal of Slavic linguistics and poetics. V. 27.

Чичагов В.К. 1959 – Из истории русских имен, отчеств и фамилий. (Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). М., 1959.

Янин В.Л., Зализняк А.А. 1999 – Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1998 г. // ВЯ. 1999. № 4.

Brogi-Bercoff G. 1984 – Gattungs- und Stilprobleme der altrussischen Briefliteratur (XI. – XV. Jh.) // Gattungsprobleme der älteren slavischen Literaturen. Berlin, 1984.

Ferguson Ch.A. 1959 – Diglossia // Word. V. 15.

Issatschenko A. 1980: 1983 – Geschichte der russischen Sprache. Bd. 1–2. Heidelberg.

В.Г. Демьянов